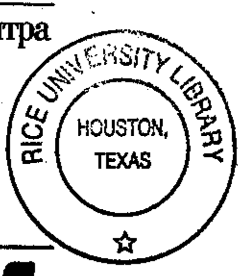
«МИР, ПРОГРЕСС, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»
Публикации Музея и общественного центра
имени Андрея Сахарова

ВЫПУСК 6

КАЗАХСТАН И РОССИЯ:

ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Редактор - составитель Д.Е.Фурман

Москва
«Издательство ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»
2004

ББК 8.1
К 14

Ответственный редактор-составитель –
доктор исторических наук профессор *Д.Е. Фурман*

Книга написана и опубликована по заказу и на средства
Фонда Андрея Сахарова (США)
и его президента г-на Эдварда Кляйна

К 14 **Казахстан** и Россия: общество и государство. – М.: «Права человека», 2004. – 522 с.

Данная книга – сборник статей авторов из России, Казахстана и других стран. В ней рассматриваются вопросы постсоветского развития Казахстана, анализируются причины сходства и различий его эволюции с эволюцией постсоветской России. Книга предназначена как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

ББК 8.1

Ответственные за выпуск *И. Зайцев*
Корректор *М.Крючкова*

ИД № 02184 от 30.06.2000. Подписано в печать 15.12.2004.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура ньютон.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 1541

Издательство «Права человека»,
119992, Москва, Зубовский бульвар, 17
веб-сайт: www.hrpublishers.org

Фабрика офсетной печати, г. Обнинск, ул. Королева, 6

ISBN 5-7712-0316-5

Бажытжамал Бектурганова, Дмитрий Фурман

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И РЕЛИГИЯ В КАЗАХСТАНЕ И РОССИИ

Цель данной статьи – показать общее и особенное в роли религии в массовом сознании современных Казахстана и России[1].

Постсоветское развитие наших стран определяется двумя основными группами факторов. Во-первых, это общие факторы, связанные с тождеством или почти тождеством стартовых условий (принадлежностью обеих стран к единому тоталитарному коммунистическому государству), декларированных целей постсоветского развития (демократия и рынок) и возникавших в ходе этого развития проблем. Во-вторых, это факторы, специфические для каждой из наших стран и способствовавшие модификации путей развития и различию его результатов. Среди них важнейшими, несомненно, являются факторы, связанные со спецификой культуры наших стран.

Воздействие этих двух групп факторов приводит к тому, что теперешние итоги нашего развития, какую бы сферу общественной жизни мы ни взяли, схожи, но не тождественны. (При этом, если оценивать итоги нашего развития, исходя из степени приближения к декларированным в 1991 г. целям – построения демократического и рыночного общества, в каких-то аспектах впереди окажется Россия, в каких-то – Казахстан.)

Такое сходство и различие есть и в эволюции отношения наших обществ к религии. Как мы увидим дальше, в массовом сознании наших обществ действуют общие закономерности. Но при этом роль религии в массовом сознании России и Казахстана схожа, но отнюдь не тождественна.

1

И в России, и в Казахстане падение советского строя и переход к общественному устройству, основанному на рыночной экономике и демократической (на деле квази-демократической) политической системе, сопровождались радикальным изменением отношения наших обществ к религии – «коллапсом» официального атеизма, бывшего интегральным элементом коммунистической идеологии, и резким возрастанием роли религии. К обращению к религии вели оба идеологических компонента революционных процессов конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века: и стремление вернуться к досоветскому прошлому, развитию, прерванному большевистской революцией, и стремление к воспроизведению цен-

ностей и институтов западного типа общества, в котором религия играет, естественно, не определяющую, но значительную и почетную роль. Кроме этой идеологической мотивации, к обращению к религии вели и психологические мотивы: в ставшем «зыбким», неустойчивом постсоветском мире, в котором исчезли старые социальные координаты и еще не сложились новые, религия выступает как символ стабильности, вечных ценностей.

Тяга к религии проявляется прежде всего в резком увеличении значения и распространенности религиозных самоидентификаций.

В России, по данным 2002 г., респонденты, отвечая на вопрос «Считаете ли вы себя православным, католиком... атеистом», в подавляющем большинстве (88%) идентифицировали себя с какой-либо конфессией. В Казахстане цифры несколько иные. В опросе 2003 г. при ответе на схожий вопрос («Соотносите ли вы себя с...») определенную конфессию выбрали 72,7%, в опросе 2004 г. – 79,1%.

Это первое и сходство, и отличие казахстанского и российского сознаний, которое мы можем констатировать. Сходство – в том, что в обеих странах большинство населения сейчас отождествляет себя с какой-либо религией. Отличие – в том, что в Казахстане это большинство несколько меньше.

При этом и в Казахстане, и в России большинство отождествляют себя с конфессией, традиционной для своего этноса, – конфессией предков. Обращение к религии в обеих странах – это, прежде всего, обращение к прошлому, к вековым традициям наших народов. Но и здесь есть заметные различия.

В России в 2002 г. среди русских по национальности как православные определили себя 86%, а как приверженцы каких-то иных, не традиционных для русских религий – только 1% (остальные – атеисты или не знающие, как ответить). В Казахстане по данным 2004 г. среди казахов мусульманами считали себя 79,2%, православными – 2%, католиками – 0,2%, протестантами – 0,5%, буддистами – 0,2% и иудаистами – 0,1%. Среди русских считали себя православными 70,6%, мусульманами – 7,1%, католиками – 1,6%, протестантами – 1,1% и буддистами – 0,2%.

Мы уже констатировали первое отличие Казахстана и России: распространенность конфессиональных самоидентификаций в Казахстане несколько меньше, чем в России. Теперь можем констатировать и второе отличие. Традиционно-национальный характер этих идентификаций в Казахстане также выражен меньше, чем в России. Связь религии и национальности в Казахстане менее жесткая. Большинство православных среди русских в России – более «подавляющее», чем и большинство мусульман среди казахов, и большинство православных среди русских в Казахстане. И наоборот, в Казахстане в обеих главных национальных общинах значительно больший удельный вес имеют иноконфессиональные меньшинства[2].

Сходство между казахстанскими и российскими данными вопросов не вызывает – общие для обеих стран процессы ведут и к общим следствиям. Но чем объяснить выявившиеся различия? Мы полагаем, что здесь действуют исторические и культурные факторы, различные для России и Казахстана.

Прежде всего, Казахстан – и в составе Российской империи, и особенно в СССР, и сейчас, в постсоветскую эпоху – неизмеримо более культурно и этнически плюралистическое общество, чем Россия. В результате и добровольных, и вынужденных миграций в Казахстан представителей самых разных (в диапазоне от немцев до корейцев и от ингушей до поляков) народов степень этнического плюрализма в Казахстане – одна из самых высоких в мире[3]. Только сейчас, после возвращения множества представителей других народов на свои исторические родины и приезда в Казахстан многих казахов из-за границы, удельный вес титульного этноса перевалил за 50%, а по данным переписи 1989 г. он составлял 38%.

Сам по себе этнический и религиозный плюрализм может вести к разным следствиям – как к взаимной аккультурации, взаимодействию и взаимопроникновению культур, так и, наоборот, к «замыканию в себе», изоляции этнических групп друг от друга. В Казахстане в целом взаимодействие культур преобладало над их самоизоляцией, что связано и с влиянием советской идеологии и образа жизни, и в еще большей степени с особенностями культуры основного, титульного казахского этноса, относительно слабо исламизированного и сохраняющего «архаическую» и характерную для многих кочевнических обществ терпимость и открытость (ту терпимость и открытость, которая поражает у монголов эпохи Чингиз-хана)[4].

У жителей Казахстана, таким образом, больше привычки к «чужим» и меньший психологический барьер по отношению к «чужому», чем у россиян. Тесное и, в основном, мирное общение казахов и русских в Казахстане ведет к тому, что какая-то часть и тех и других принимают религию своих родственников, соседей и друзей. 2% казахов-православных и 7,1 % русских-мусульман (опрос 2003 г. дает цифры 2,8 и 4,2%) – это, на наш взгляд, довольно большие цифры, говорящие о значительном культурно-религиозном «взаимопроникновении» двух основных этнических общин[5]. При этом в Казахстане – не только русские и казахи. Здесь живут представители самых разных культур и религий и Запада, и Востока[6]. И «взаимопроникновение» характерно не только для двух главных этнических общин. Здесь мы видим 0,2% казахов и 1,1% русских – католиков, 0,5% и 1,1% – протестантов, 0,2% и казахов, и русских – буддистов и даже 0,1% казахов – иудаистов.

Открытость к чужому, новому для своих этнических культур (ислам, православие, буддизм и иудаизм – древние религии, но вне этнических групп, в которых они – традиционные религии, они выступают как «новое») ведет и к общей открытости к новому. Это проявляется в обращении к нетрадиционным религиям, новым не только для данной этничес-

кой группы, но и для казахстанского общества в целом (разные протестантские, прежде всего пятидесятнические секты, иеговисты, различные неоиндуистские образования).

По данным опроса 2003 г. 2,9% казахов и 2,1% русских в Казахстане определили себя как приверженцев «нетрадиционных религий», – цифра значительно большая, чем в России, где только 1% всех русских – не православные. Казахстан – более плодородное поле для миссионерской активности, чем Россия.

2

Большая открытость и терпимость казахстанского сознания видна не только в относительно большей распространенности в Казахстане нетрадиционных для данных этнических групп религий. Она видна и непосредственно в ответах казахстанцев на различные, раскрывающие уровень терпимости вопросы (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Отношение к разным религиям в России и Казахстане (%)

Религии	Годы опроса	Очень хорошее	Хорошее	Плохое	Очень плохое
Православие	Россия (2002)	52	44	1	0
Казахстан, каза-	18,6 хи (2004)		51,5	7,3	2,8
	Казахстан, русские (2004)	51,1	42,1	3,1	1,3
Ислам	Россия (2002)	10	51	20	7
	Казахстан, казахи (2004)	57,9	38,8	3	0,8
	Казахстан, русские (2004)	25,2	47,8	7,6	3
Католицизм	Россия (2002)	5	50	14	8
	Казахстан, казахи (2004)	11,3	45,2	14,4	3,7
	Казахстан, русские (2004)	18,6	43,5	9,4	4
Баптизм	Россия (2002)	2	25	30	19
	Казахстан, казахи (2004)	7,8	32,6	23,9	10,3
	Казахстан, русские (2004)	9,4	26,9	24,2	14,1
Иудаизм	Россия (2002)	3	27	21	15
	Казахстан, казахи (2004)	8,6	33,8	21,4	11,1
	Казахстан, русские (2004)	10,1	31,5	20,4	12,4

Мы видим, что и казахи, и русские в Казахстане систематически высказывают более благожелательное отношение к нетрадиционным для своей этнической общности религиям, чем россияне.

Еще более отчетливо это видно при ответах на вопросы, говорящие о поддержке религиозной свободы или, наоборот, привилегий для национальной религии (таблица 2).

Таблица 2

Отношение к равным правам религий (%)

	Полностью согласны	Согласны	Не согласны	Полностью не согласны
РПЦ должна иметь привилегии в России (Россия, 2002)	27	34	21	4
Все религии должны иметь равные права (Россия, 2002)	24	33	22	8
Все религии должны иметь равные права (Казахстан, 2004)	61,9	23,7	8,9	4,2
Традиционные для Казахстана религии должны иметь привилегии (Казахстан, 2004)	16,9	22,6	36	22,3
Ислам должен иметь привилегии (казахи, Казахстан, 2004)	19,6	21,4	37,8	20

Поддержка привилегий для национальной религии в Казахстане значительно меньше, а религиозного равноправия – значительно больше, чем в России.

Мы говорили об «архаических» корнях казахской религиозной терпимости, что это – не терпимость народа, уже миновавшего этап монопольного господства догматической религиозной системы, а скорее терпимость народа, задержавшегося в своем развитии на предшествовавшем, «додогматическом» этапе. Но эта «задержка» в современных условиях может быть преимуществом. Народу, еще не утратившему архаической терпимости, легче усвоить терпимость, требуемую современным обществом, терпимость нового типа. Поэтому, как это ни странно звучит, в этом аспекте казахское сознание – более «современное» и «европейское», чем российское.

3

С большей «открытостью» казахстанского религиозного сознания по сравнению с российским связаны и некоторые другие их различия.

В обоих обществах в конфессиональной самоидентификации религия выступает в первую очередь как этнический и культурный символ и идентификатор. И в России, и в Казахстане высказывания «я – православный» или «я – мусульманин» означают, прежде всего, культурную и национальную идентификацию и идеологическое признание ценности традиции и совершенно не обязательно – религиозную веру. И в Казахстане, и в России лиц, идентифицирующих себя как принадлежащих к определенной религии, больше, чем лиц, идентифицирующих себя как верующих или отвечающих «да» на вопрос «Верите ли вы в Бога?». Однако верующих в Казахстане и среди русских, и среди казахов больше, чем в России (таблица 3).

Таблица 3

Самоидентификация по отношению к религии %

	Верующие	Колеблющиеся	Неверующие и атеисты
Россия (2002)	44	29	25
Казахстан (2004), всего	51,3	26,2	21,4
Казахстан (2004), казахи	57,8	21,5	19,2
Казахстан (2004), русские	45,8	32,4	20,9

На вопрос «Верите ли вы в Бога» ответили «Да»[7] в 2002 г. 59% россиян и в 2004 г. 67,5% казахстанцев (казахов – 71%, русских – 66,7%). Верят в бессмертие души 27% россиян и 32% казахстанцев (казахов – 29%, русских – 32%).Таким образом, мы видим несколько более высокий удельный вес верующих в Казахстане, чем в России.

Кроме того, мы видим и несколько меньший разрыв между конфессиональной идентификацией и верой. В России идентифицируют себя с какой-либо религией (в основном с православием) 88%, а объявляют себя верующими 44%, то есть ровно половина от их числа, в Казахстане первых – 79,1%, вторых – 51,3% (64,9% от числа идентифицирующих себя с религией).

Аналогичные различия между нашими странами – в посещении церквей и мечетей (таблица 4).

Мы говорили о менее жесткой связке религии и этноса в Казахстане и о большей открытости казахстанского религиозного сознания. Теперь мы видим, что при этом религиозность в казахстанском обществе – выше, причем посещаемость мечетей и церквей (то есть не чисто словесная и декларативная религиозность) значительно выше, чем в России. Есть ли какая-то связь между этими различиями, образуют ли они определенную систему?

Таблица 4

Посещение церквей и мечетей %

	Не реже раза в месяц	Реже чем раз в месяц	Никогда
Россия, 2002, церкви, мечети, синагоги	7	50	42
Казахстан, 2004, казахи – мечети	18,7	51,6	25,1
Казахстан, 2004, русские – церкви	12,2	53,3	26,4

На наш взгляд – да. В более плюралистическом казахстанском обществе в религиозной идентификации и в религиозности больше присутствует элемент индивидуального выбора. Но естественно, что чем больше этот элемент выбора, чем осознаннее обращение к религии, тем «серьезнее» и отношение к ней. Русский, отождествляющий себя с православием просто потому, что он знает, что русские – православные, может вообще не верить в Бога. Такое самоотождествление может практически ничего, кроме конформизма к господствующей идеологической ориентации, не значить. Но русский, решивший принять, например, ислам, скорее всего, не может относиться к своей новой религии «не серьезно» (вспомним известный фильм «Мусульманин», в котором основанная на сознательном выборе и сильная религия русского парня, принявшего ислам, противопоставляется традиционалистски-конформистскому православию его окружения). То же самое относится, разумеется, и к казахам, принимающим православие или какую-то другую не мусульманскую веру. Неофит обычно – лучший верующий, чем верующий по традиции. А неофитов всякого рода, как мы видели, в Казахстане больше, чем в России.

Но дело, очевидно, не просто в числе неофитов. В ситуации, когда религиозный выбор возможен, когда он не является чем-то совершенно исключительным, принадлежность к традиционной этнической вере также приобретает черты выбора. Если кто-то может решить уйти, то тот, кто остается, тоже как бы делает выбор – остаться. Наличие нетрадиционной религиозности повышает «качество» традиционной.

Сравнение находящихся на одном уровне культурного и социального развития стран, например, США и Франции или Британии, показывает, что в стране громадного религиозного плюрализма, США, уровень религиозности значительно выше, чем в странах с господством одной традиционной конфессии.

Отличия Казахстана и России, на наш взгляд, в какой-то мере сходны с отличиями США и европейских моноконфессиональных стран.

4

Некоторые сходства и различия можно заметить и в социальных параметрах российской и казахстанской религиозности (таблица 5).

Таблица 5

Социальные параметры религиозности %

		Верующие	Все опрошенные
Женщины	Россия, 2002	70	56
	Казахстан, 2004	59,6	54,2
60 лет и старше	Россия, 2002	29	24
	Казахстан, 2004	14,9	13
Образование[8] – высшее	Россия, 2002	15	17
	Казахстан, 2004	34,4	36
Образование – меньше чем средняя школа	Россия, 2002	16	11
	Казахстан, 2004	3,5	4,5
Пенсионеры	Россия, 2002	33	26
	Казахстан, 2004	13,8	11,7

И в России, и в Казахстане социально-демографические характеристики верующих по сравнению со средними по выборкам несколько сдвинуты в направлении социальной маргинальности. В обеих странах пожилая женщина пенсионерка с начальным образованием имеет значительно больше шансов оказаться верующей, чем молодой или средних лет работающий мужчина с высшим образованием.

Но опять-таки наряду со сходством мы видим и различия. Сдвиг социально-демографических характеристик верующих в сторону социальной маргинальности по всем параметрам в России несколько больше. Не только удельный вес верующих в населении в Казахстане больше, но сравнительно с российской казахстанская группа верующих несколько менее «женская»[9], «старая» и «необразованная». На наш взгляд, эти различия согласуются с различиями, рассмотренными выше, и также являются частью структурных различий казахстанского и российского сознания.

Мы уже видели, что в российской религиозности больше, чем в казахстанской, отождествления с традицией и меньше религиозных поисков, устремления к новому. Но если чисто идеологическое отождествление с традицией, идеологическое признание ее важности может быть всеобщим, то традиционалистская вера – удел социальных групп со специфически традиционалистским сознанием. Сдвиг в сторону социальной маргинальности – это и есть сдвиг в сторону традиционализма. Различия сознания старой необразованной женщины и молодого образованного мужчины – это прежде всего различия в степени традиционализма и, наоборот, открытости сознания.

Идеологическое отождествление российских русских с православием – всеобщее, значительно большее, чем в Казахстане отождествление казахов с исламом и русских с православием. Но это отождествление не переходит в веру. Вера в России, особенно на уровне не словесном, на уровне поведения, больше, чем в Казахстане, – удел социально-маргинальных групп населения.

5

Религия – важный элемент общественной структуры. В ней отражаются черты, характерные для данного общества, и она сама влияет на общество. Для переходных обществ, какими являются Казахстан и Россия, религия может служить как фактором ускоряющим, облегчающим развитие, переход к рынку и демократии, так и фактором тормозящим.

От чего же зависит разная роль религии? На наш взгляд, прежде всего от того, насколько религия препятствует или, наоборот, способствует становлению психологической базы современного общества – «открытого», не догматического сознания. Оценивая роль религии, мы можем применить модель рынка. Рынок – это прежде всего возможность свободного выбора потребителями благ, предлагаемых им их конкурирующими между собой производителями. В этом отношении рынок – более широкое явление, чем рынок покупаемых за деньги товаров и услуг. Демократия, например, это – аспект свободного, открытого общества, подчиненный той же логике, что и рынок товаров. Политики тоже предлагают свои услуги избирателю – «покупателю», только характер этих услуг специфический и соответственно механизм их приобретения – тоже специфический (голосование). Между различными сферами жизни общества должна быть согласованность, функциональная связь. Монополизация сферы «политических услуг» (авторитаризм и тоталитаризм) обязательно будет мешать свободному рынку и в чисто экономической сфере, способствовать монополизации экономики, а политическая демократия не может не вести и к экономической демократии (рынку в узком смысле слова). И наоборот, монополизированная экономика будет требовать ограничения политической демократии, а устанавливающаяся в экономической сфере свободная конкуренция в конце концов потребует и свободной конкуренции, демонополизации в сфере политики.

Какое отношение эти рассуждения имеют к предмету данной статьи – к религиозной сфере? Самое непосредственное. Религиозная и, шире, идейная сфера в целом, как и любая другая, может быть монополизирована и демонополизирована, причем стремление религиозных профессионалов разных конфессий монополизировать эту сферу – также естественно, как стремление компаний монополизировать рынки предлагаемых ими товаров и услуг, а политических партий – политическую сферу[10]. И ясно, что хотя полной согласованности монополизации или демонополизации религиозной и других сфер может и не быть, тен-

денция к такой согласованности – естественна и неизбежна. Как не может быть устойчивого сочетания свободного рынка и политического монополизма, так не может быть и устойчивого сочетания свободного рынка и религиозного, духовного монополизма. Такие же соотношения существуют и между религиозной и политической сферой. Совершенно не случайно, что страна с самой развитой и устойчивой демократией США – это и страна с самой свободной, изначально демонополизированной религиозной сферой.

Религиозная сфера в России значительно более монополизирована, чем в Казахстане. Это сложилось исторически, и победа коммунистической идеологии означала не только смену одной духовной монополии (православно-самодержавной) другой (коммунистической), но и закрепление религиозной монополии в том узком сегменте общества, который коммунистическая власть «оставила» религии. Традиционная вера допускалась, но нетрадиционная, новая – не допускалась.

Падение коммунистической системы означало не только падение духовной монополии коммунистической идеологии, но и освобождение, «открытие» религиозной сферы. В Россию приезжают иностранные миссионеры, и по телевидению можно видеть их проповеди и благожелательные передачи о религиозных меньшинствах. Однако этот уровень свободы не соответствовал народным «привычкам», и очень скоро обозначилась тенденция к возвращению к традиционным для России формам общественной жизни. Православие начинает играть роль «эрзаца» государственной идеологии, и степень религиозной свободы резко сокращается.

В Казахстане такая тенденция тоже есть, но значительно слабее. Как в казахстанском сознании нет той жесткой связки этнического и конфессионального, какая есть в России, так и казахстанский правитель Н. Назарбаев значительно менее отождествляет себя с исламом, чем В. Путин – с православием. Его отношение к религии значительно непосредственнее, свободнее и более личное. Вот его ответ на вопрос журналиста, верующий ли он: «Я не перечеркиваю своего коммунистического прошлого, поэтому мне трудно ответить на этот вопрос... На Пасху я посещаю православную церковь, на Рамазан – мусульманскую мечеть... Придерживаюсь мысли, что Бог – один, а идут люди к нему разными путями»[11]. В одном интервью 1999 г. он сказал, что мечтает о едином храме, в котором будут отдельные входы для представителей разных религий, но общий выход[12]. Выступая недавно на открытии новой синагоги в Павлодаре, Н.Назарбаев сказал: «Я уверен, что в мире не будет никаких столкновений цивилизаций, если все люди научатся жить по принципу: Бог один, и все мы к нему придем»[13].

Более того, жена президента Казахстана испытывает большой личный интерес к некоторым нетрадиционным религиозным учениям – учению Порфирия Иванова и Саи Бабы Аватары, причем не только совершенно не скрывает этот интерес, но даже активно способствует их

распространению[14]. В России подобное абсолютно невозможно. Если бы у жены российского президента и возникло такое увлечение, оно или было бы пресечено, или тщательно скрывалось бы (как, возможно, скрываются астрологические интересы российских президентов, слухи о которых, однако, проникали в печать).

Правители – люди своего времени и своих обществ, и их психология и идеология не могут слишком отличаться от массовых. Но, кроме того, они еще и стремятся усвоить для себя модель поведения, которая соответствует психологии общества, нравится людям или, во всяком случае, не вызывает отторжения (особенно в таких сферах, как религия, не затрагивающих непосредственно их материальных или властных интересов). Почти стопроцентному идеологическому отождествлению русских в России с православием соответствуют выполнение религиозных обрядов В. Путиным как важной государственной и национальной обрядности, государственного долга, и восприятие им внутрицерковных дел как государственных (активное участие в объединении РПЦ и зарубежной церкви). И наоборот, несколько более свободное, личное и, может быть, «агностическое» отношение Назарбаева к вере, постоянное подчеркивание им ценности многоконфессиональности и религиозной терпимости, организация им разного рода многочисленных межрелигиозных конференций и диалогов[15] и спокойное отношение к нетрадиционным религиозным увлечениям членов своей семьи – не только его «личное дело». Они соответствует иной общественной психологии, иному отношению к религии в обществе.

Но высокая степень монополизации религиозной сферы в России – фактор, влияющий и на монополизацию других сфер. Изначальный монополизм в религиозной сфере, присущая русскому сознанию высокая степень отождествления русского и православного были факторами, способствовавшими монополизации в сфере политической, тенденции к возвращению той же «симфонической» согласованности и монополизма в обеих сферах, которых были в царской России (самодержавие, православие, народность). Движение России ко все более «управляемой» демократии и движение ко все большей монополизации в сфере религии – разные стороны одного процесса[16]. И это движение вступает в противоречие и со стремлением к построению рыночного общества. Ограничения в деятельности иностранных миссионеров, ограничения в регистрации новых религиозных объединений и государственное покровительство национальной религии – это религиозный аналог протекционистским барьерам на пути товаров и капиталов и аналог покровительства привилегированным монополиям.

Движение к «управляемой демократии» в Казахстане также сопровождалось тенденцией к монополизации религиозной сферы, к созданию «протекционистских» барьеров на пути распространения новых религий (обязательная регистрация миссионеров в акиматах, меры, направленные

на подчинение мечетей Духовному управлению мусульман Казахстана, и др.)[17]. Но и объективно существующий в Казахстане религиозно-этнический плюрализм и большая «открытость» казахстанского религиозного сознания не дают этой тенденции зайти слишком далеко. «Протекционистские» барьеры в Казахстане слабее, чем в России (и тем более – чем в Узбекистане и Туркмении), и в последнее время они, пожалуй, уже не растут, а уменьшаются. А контроль ДУМК над мусульманской общиной значительно слабее контроля РПЦ над православными верующими.

Разумеется, склонность к монополизации религиозной сферы и степень этой монополизации – только один из факторов, влияющих на движение страны к демократии и рынку и, очевидно, не самый важный. Уровень демократичности в Казахстане и России сейчас примерно одинаков (хотя во второй половине 90-х гг. Россия была впереди Казахстана). Но в сфере экономической эксперты оценивают казахстанский рынок как более свободный, чем российский. Во всяком случае Казахстан с самого начала реформ был значительно более открыт иностранному капиталу. Но большая открытость Казахстана иностранному капиталу и его большая открытость иностранным миссионерам – явления не просто аналогичные, но и взаимосвязанные на глубоком психологическом уровне.

Религия – часть общества, и, как любая общественная сфера, она стремится к согласованности с другими сферами. Существующая в русском сознании тесная связь русского и православного и проистекающая от этого легкость монополизации религиозной сферы – фактор, способствующий авторитарным тенденциям и негативно влияющий на перспективы построения «открытого общества» в России. Соответственно большая открытость казахстанского религиозного сознания и проистекающая из нее демонополизированность религиозной сферы в Казахстане – фактор, препятствующий авторитаризму и способствующий демократизации. Это – преимущество Казахстана, часть того культурного капитала, который может быть положен в создание будущего открытого казахстанского общества.

Примечания

[1] Авторы опираются на данные социологических исследований, проведенных в России и Казахстане.

Российские данные получены в результате всероссийских опросов, проводившихся совместно Российской академией наук и Академией наук Финляндии в 1991, 1993, 1996, 1999 и 2002 гг. Опрос 2002 г. охватывал 1541 человек. Результаты данных опросов неоднократно публиковались в российской и зарубежной печати. На основе этих опросов вышла книга: Старые церкви, новые верующие (Религия в массовом сознании постсоветской России) / Под ред. К. Кариайнена и Д. Фурмана. М.: «Летний сад», 2000. Последняя публикация, основывающаяся на

данных 2002 г.: *Фурман Д., Каариайнен К.* Религиозная стабилизация (Отношение к религии в современной России) // Свободная мысль – XXI, № 7, 2003.

Сравнение данных о массовом сознании в России и Казахстане наталкивается на проблему сопоставимости. Несколько иные формулировки вопросов могут породить другие ответы. Мы постарались решить эту проблему, включив в опрос, проведенный Ассоциацией социологов и политологов (АСИП) Казахстана в июне 2004 г. в 17 городах Казахстана (опрошено 2037 человек), вопросы, которые задавались в упомянутых выше российских опросах. Кроме того, мы использовали данные всеказахстанского (включающего и жителей сельской местности) исследования «Жизнь регионов Казахстана в оценках и мнениях населения», проведенного АСИП в июне 2003 г. В ходе исследования было опрошено 2537 человек.

[2] О том, что это не случайные отличия данных опросов, а именно устойчивые отличия массового сознания наших стран, говорит сравнение данных казахстанских опросов 2003 и 2004 гг. При иной выборке и несколько иной формулировке вопросов цифры, полученные в этих опросах, несколько разные. Но эти цифры отличаются от российских в том же направлении.

По данным 2003 г. 63,2% казахов отождествляют себя с исламом и 6% – с другими религиями, в том числе 2,8% – с православием, 0,3% – с буддизмом, 2,9% – с одной из нетрадиционных религий. Среди казахстанских русских 60,2% считают себя православными и 7,1% идентифицируют себя с другими религиями, в том числе 4,2% – с исламом, 0,3% – с иудаизмом,0,3% – с буддизмом и 2,1% – с нетрадиционными религиями.

Мы видим и другие сходства данных 2003 и 2004 гг. Оба опроса показывают, что идентификация русских с православием в Казахстане ниже, чем идентификация казахов с исламом, и что меньшинство русских-мусульман – больше, чем меньшинство казахов-православных.

[3] Этнический плюрализм в Казахстане отличается от российского не только степенью, значительно меньшим удельным весом титульной нации, но и «качественно». Большинство нерусских народов в России живут на своих исторических землях, некогда покоренных русскими. В Казахстане все народы, кроме казахов, – мигранты.

[4] Эта терпимость, разумеется, по своим глубинным основаниям отлична от европейской терпимости нового времени. Это – не терпимость, возникающая при эрозии и отступлении догматических религиозных систем, а терпимость, предшествующая их распространению и победе. Это – сходство этапов развития на разных витках исторической «спирали», и было бы нелепо видеть в Чингизхане или традиционном казахе аналог европейского агностика нового времени. Но так же неверно было бы и отрицать это сходство.

В этом отношении Казахстан и Кыргызстан заметно отличаются от других, значительно более исламизированных центрально-азиатских республик.

[5] То, что русских-мусульман, по данным обоих казахстанских опросов, больше, чем казахов-православных, естественно, ибо казахи – доминирующий этнос, и у части русских, решивших связать свою судьбу с Казахстаном, стремление к аккультурации, полному вхождению в казахстанское общество может принимать форму тяготения к исламу. Но есть и обратный процесс, хотя и в меньших размерах.

[6] См. описание существующих в Казахстане религий в книге: *Иванов В.А., Трофимов Я.Ф.* Религии в Казахстане. Алматы, 2003.

[7] Ответ «да» на вопрос «Верите ли вы в Бога?» имеет несколько иное психологическое значение, чем определение себя как верующего. Положительный ответ на этот вопрос всегда дают чаще, чем идентифицируют себя как верующих.

[8] Значительно большая средняя образованность казахстанских респондентов, очевидно, связана с тем, что в Казахстане опрос проводился только в крупных городах.

[9] Опрос, предпринятый Институтом развития Казахстана в 1996 г., показал, что женщин в группе верующих было 61,5%, что близко к приведенной выше цифре, и также меньше удельного веса женщин среди российских верующих. – См.: Во что мы веруем // Казахстанская Правда, 15.01.1997. С. 3.

[10] О применении экономических моделей рынка к религиозной сфере см. работы Л. Ианнакконе (L. Iannaccone) –
http://gunston.doit.gmu.edu/liannacc/Downloads/ iannaccone.html.

[11] Казахстанская Правда. 24.10. 1995. С. 2. В этом же интервью Назарбаев рассказывает, что бабушка учила его, когда он попадает в трудные ситуации, помолиться – не Аллаху, а духу его предка в восьмом колене Карасай батыра, что он и делает и это ему даже помогает.

[12] Казахстанская Правда, 10.09.1999. С. 4.

[13] *Чарный С.* Нурсултан Назарбаев открыл самую большую синагогу Центральной Азии // НГ религии, 15.09.2004. С. 2.

[14] См.: Мы счастливы, когда свободны. (Интервью С.А.Назарбаевой) // Жума – Пятница. Газета для женщин, 30.12.1994. С. 2; Дышите спокойствием и любовью. (Интервью С.А.Назарбаевой) // Жума – Пятница. Газета для женщин, 20.10.1995. С. 2. В первом интервью С. Назарбаева говорит, что учение П. Иванова – «не религия, а Учение... Что же касается веры... ну кто из нас может похвалиться своей ортодоксальностью – мусульманской ли, христианской?». Во втором: «...Природа-мать и Бог у всех одни и те же». Под влиянием С.Назарбаевой оздоровительные процедуры-ритуалы, принятые у последователей П. Иванова, и его учение стали активно распространяться в казахстанской армии. См.: А он сам к нам на землю пришел. (Интервью В.Тулекеева) // Казахстанская Правда, 13.02. 1998. С. 14; см. также: *Трофимов Я.* Государство, общество и религия в современном Казахстане // Центральная Азия и Кавказ, 2001, № 2(14).

[15] В 2003 г. в Казахстане под руководством Назарбаева проходит Съезд мировых и традиционных религий. Особо большую роль играет руководимый Назарбаевым Казахстан в организации диалога между иудаизмом и православием.

[16] См.: *Фурман Д., Каариайнен К.* Религиозная стабилизация в России // Свободная мысль – XXI, 2003, № 7; *Фурман Д., Каариайнен К.* Я доверяю президенту... // Свободная мысль – XXI, 2003, № 5.

[17] При том эти меры были направлены не столько против иноконфессиональных миссионеров, сколько против иностранных мусульманских миссионеров. активных на более исламизированном казахстанском юге, часть которых могла распространять политически активистские формы ислама. См.: *Ли В.* Зачем к нам приходят миссионеры // Казахстанская Правда, 22.09.1998. С. 3.

ОБ АВТОРАХ

Ардаев Владимир, журналист, в 1987—1998 гг. корреспондент газеты «Известия» в Казахстане, Москва.

Бектурганова Бажытжамал, доктор философских наук, президент Ассоциации социологов и политологов Казахстана, Алматы, Казахстан.

Борисова Екатерина, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва.

Докучаева Александра Викторовна, кандидат физико-математических наук, депутат Верховного Совета Казахской ССР XI созыва, одна из основателей и председателей (1994—1995 гг.) Республиканского движения «Лад» в Казахстане, в настоящее время заведующая отделом диаспоры и миграции Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ), Москва.

Жуков Станислав, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, Москва.

Косач Григорий, доктор исторических наук, профессор, Институт Стран Азии и Африки, Москва.

Куртов Аждар, президент Московского центра публичного права, Москва.

Либман Александр, научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований, Москва.

Ока Нацуко, научный сотрудник Института развивающихся экономик, Токио, Япония.

Пьянчола Никколо, докторант Университета Суор Орсола Бенинказа, Неаполь, Италия.

Своик Петр, директор учреждения «Демократическая экспертиза. Аналитическая служба Петра Своика», Алматы, Казахстан.

Фурман Дмитрий, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН, Москва.

Шац Эдвард, доцент кафедры политических наук Университета Южного Иллинойса, США.

СОДЕРЖАНИЕ